

Николай Васильевич Гоголь

Нос

I

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цирюльник* Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте, проснулся довольно рано и услыхал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его вынимала из печи только что испеченный хлеб.

– Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофий, – сказал Иван Яковлевич – а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

Иван Яковлевич, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил лук, взял в руки нож и принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел... нос!.. Иван Яковлевич стал протирать глаза и шупать: нос, точно нос! и еще как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича.

– Где это ты, зверь, отрезал нос? – закричала жена. – Мошеник! Пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.

Но Иван Яковлевич был ни жив, ни мертв. Он узнал, что этот нос был коллежского асессора Ковалёва, которого он брил каждую среду и воскресенье.

– Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в угол, пусть там маленечко полежит, а после его вынесу.

И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?..

Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал – и не знал, что подумать. «Черт его знает, как это сделалось», – думал он. Достал он свое платье и сапоги, завернул нос в тряпку и вышел на улицу.

Он хотел его куда-нибудь сунуть или нечаянно выронить, но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый человек. Он решился идти к Исакиевскому мосту, чтобы как-нибудь бросить его в Неву...

Иван Яковлевич был пьяница.

Этот гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он осмотрелся; потом нагнулся на перила и кинул тряпку с носом. Он даже усмехнулся от облегчения и отправился в заведение с надписью: «Кущанье и чай», чтобы спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста надзирателя. Тот кивал ему пальцем и говорил: «А подойди сюда, любезный и скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?»

Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, ничего неизвестно.

II

Коллежский асессор* Ковалёв проснулся рано и сделал губами: «брр...», что всегда он делал, когда просыпался. Ковалёв потянулся, взял зеркало. Он хотел посмотреть на прыщик*, который вчера вскочил у него на носу; но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалёв велел подать воды и протёр полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал проверять рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Ковалёв вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он оделся и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

Необходимо сказать что-нибудь о Ковалёве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Ковалёв был кавказский коллежский асессор. Он два года только ещё состоял в этом звании, не называл себя коллежским асессором, но всегда называл себя майором.

Майор Ковалёв имел обыкновение каждый день прогуливаться по Невскому проспекту. Он носил множество печаток* с гербами и хорошо одевался. Майор Ковалёв приехал в Петербург искать приличного места. Он был не прочь и жениться; но только, когда за невестой есть двести тысяч капитала. И понятно каково было положение этого майора, когда он увидел вместо носа преглупое, ровное и гладкое место.

Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он пошёл пешком, закрыв платком лицо.

Вдруг он встал у дверей одного дома; перед подъездом остановилась карета*; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и изумление Ковалёва, когда он узнал, что это был собственный его нос! Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире*, с большим воротником; и сбоку шпага*. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: «Подавай!», сел и уехал.

Бедный Ковалёв чуть не сошёл с ума. Он не знал, что и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, чтобы нос, который ещё вчера был у него на лице, – был в мундире! Он побежал за каретой, которая проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

Он поспешил в собор, вошёл в церковь и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец, увидел его, стоявшего в стороне. Нос спрятал лицо своё в большой стоячий воротник и ...молился.

«Как подойти к нему?» – думал Ковалёв. – По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он высокого чина*. Чёрт его знает, как это сделать!»

– Милостивый государь*..., – сказал Ковалёв.

– Что вам угодно? – отвечал нос, повернувшись.

– Мне странно... мне кажется... вы должны знать своё место. И вдруг я вас нахожу и где же? – в церкви. Согласитесь...

– Извините меня, я не могу понять, о чём вы говорите... Объяснитесь.

«Как мне ему объяснить?» – подумал Ковалёв и, собравшись с духом, начал объяснять...

– Ничего не понимаю», – отвечал нос. Изъяснитесь понятнее.

– Я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь всё дело, кажется, совершенно очевидно... Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились.

– Вы ошибаетесь. Я сам по себе. Сказав это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Ковалёв совершенно смешался, не зная что делать и что даже подумать. Он оборотился с тем, чтобы напрямик сказать господину в мундире, что он плут и подлец и что он его собственный нос... Но носа уже не было: он успел ускакать, вероятно, опять к кому-нибудь с визитом.

Это повергло Ковалёва в отчаяние. «А чёрт возьми!» – сказал Ковалёв. – Эй, извозчик, вези прямо к обер-полицмейстеру!

Казалось, само небо вразумило его. Он решился ехать в газетную экспедицию.

– Кто здесь принимает объявления!? – закричал Ковалёв.
– Вам что угодно? – наконец, ответили, обратившись к Ковалёву.
– Я прошу... – сказал Ковалёв, – случилось мошенничество... или плутовство. Сбежал от меня... нос...».

– Гм! Какая странная фамилия! И на какую сумму этот господин Носов обокрал вас?
– Нос, то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Чёрт! хотел подшутить надо мной!

– Да, каким же образом пропал? Я что-то не могу понять.
– Да я не могу вам сказать, каким образом, но главное то, что он ездит теперь по городу и называет себя советником. Вы посудите, как же мне быть без такой заметной части тела? Мне теперь и к знакомым женщинам нельзя явиться».

Чинóвник задумался.

– Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах, – сказал он после долгого молчания.

– Как? отчего?

– Так. Газета может потерять репутацию*. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то...

– Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ничего нет такого.

– Нет, такого объявления я никак не могу поместить. Если нос пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. Но я замечаю, что вы должны быть человек веселый и любите в обществе пошутить.

– Пожалуй, я покажу вам.

– Зачем беспокоиться! Впрочем, желательнее бы взглянуть.

Коллежский асессор отнял от лица платок.

– В самом деле, чрезвычайно странно! – сказал чиновник, – место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин.

– Ну, вы теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен.

– Напечатать-то, конечно, дело небольшое, – сказал чиновник, – только я не вижу в этом никакой для вас выгоды. Мне жаль, что с вами случился такой анекдот*.

Ковалёв вышел из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайноному любителю сахара.

Частный детектив принял довольно сухо Ковалёва и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что наевшись надо немного отдохнуть.

То есть, не в бровь, а прямо в глаз! Нужно заметить, что Ковалёв был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить всё, что ни говорили о нём самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Приём частного детектива так его обидел, что он сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: «Признаюсь, что я ничего не могу прибавить», – и вышел.

Когда он приехал домой, то были уже сумерки.

Вошедши в свою комнату, майор, усталый и печальный, бросился в кресло и после нескольких вздохов сказал:

– Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это, наверное, во сне снится, может быть, я как-нибудь ошибкой выпил вместо воды водку, которой вытираю после бритья себе бороду. Он потихоньку приблизился к зеркалу и сначала зажмурил* глаза, но в ту же минуту отскочил назад.

Это было непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, но пропасть и кому же пропасть и притом ещё на собственной квартире!